

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163

**БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ И ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИКАХ
В ГОРОДЕ УЛАН-УДЭ**

Вячеслав В. Иванов

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Статья рассматривает присутствие и функционирование бурятского языка в публичной среде города Улан-Удэ (Республика Бурятия), отражающееся в оценках двух групп акторов: «простых» горожан и владельцев частных заведений. Интервью, проведённые с горожанами, показывают, с одной стороны, преимущественную русскоязычность городской среды, а с другой – повышение присутствия в ней бурятского языка в последнее десятилетие. Горожане поддерживают этот процесс, что подкрепляется осознанием правового статуса и демографической ситуации бурятского языка, а также готовностью отдельных акторов продвигать практики на бурятском языке в публичной городской среде. Представители другой группы – владельцы частных заведений – также поддерживают повышение присутствия бурятского языка, выбирая бурятские названия, однако ограничиваются в активных действиях устоявшимися в городском пространстве русскоязычными практиками. В целом такие положительные оценки и действия представителей обеих групп акторов создают возможность для дальнейшего утверждения бурятско-русского двуязычия в городской среде столицы Республики Бурятия.

Ключевые слова: бурятский язык, языковой ландшафт, языковые практики, городское многоязычие, языковые идеологии

**THE BURYAT LANGUAGE IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE AND
LANGUAGE PRACTICES IN ULAN-UDE**

Vyacheslav V. Ivanov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article examines the presence and functioning of the Buryat language in the public space of the city of Ulan-Ude (Republic of Buryatia), reflected in the assessments of two groups of actors: “ordinary” citizens and businesspersons. Interviews conducted with the citizens show, on the one hand, predominance of the Russian language in the urban space, and, on the other hand, an increase in the presence of the Buryat language in the last decade. The citizens’ support for this process is manifested in the awareness of the legal status and demographic situation of the Buryat language, and in the willingness of individual actors to promote Buryat-language practices in the public urban space. Representatives of another group, the businesspersons, also support the increase in the

presence of the Buryat language by choosing names in Buryat, but are limited in their active actions by established Russian-speaking practices. In general, such positive assessments and actions of representatives of both groups of actors create an opportunity for the further establishment of Buryat-Russian bilingualism in the urban space of the capital of the Republic of Buryatia.

Keywords: *the Buryat language, linguistic landscape, language practices, urban multilingualism, language ideologies*

Языковой ландшафт является неотъемлемой частью любой городской среды. Он формируется «языком публичных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц и заведений, вывесок магазинов и государственных учреждений» [Landry et al., 1997: 25]. Ежедневно в городском пространстве люди взаимодействуют со множеством из вышеперечисленных элементов языкового ландшафта. Такое взаимодействие наиболее вариативно в дву- и многоязычной среде: именно в таких условиях встаёт вопрос о ценностях горожан по отношению к языковому разнообразию.

Настоящая статья – это попытка исследовать вариативность в восприятии и отношении «простых» горожан и представителей малого бизнеса к присутствию бурятского языка в языковом ландшафте города Улан-Удэ (Республика Бурятия) в сравнении с русским языком. В частности, интерес представляют языковые идеологии жителей города при интерпретации языкового ландшафта, а также установки представителей бизнеса, которые обуславливают выбор названия заведения.

Интерес к двум вышеупомянутым группам информантов обусловлен «дискурсивным поворотом в исследованиях языковой политики» [Хилханова, 2020: 761]. Эта тенденция характеризуется всё большим вниманием исследователей к мнениям и установкам «простых» горожан по отношению к проводимой языковой политике [Хилханова, 2020: 765], а следовательно, и языковому ландшафту как её отражению. Если в предыдущие десятилетия в качестве субъектов (или акторов) в исследованиях выступали только те, кто «участвует в формировании языкового ландшафта, заказывая или изготавливая самостоятельно его единицы в соответствии предпочтительными тенденциями, намеренным выбором или политикой» [Ben-Rafael et al., 2006: 9], то в современных работах ими становятся и «простые» люди. Это позволяет нам полноценно рассматривать в качестве акторов не только представителей бизнеса, но и обычных горожан.

Наиболее продуктивным методом сбора информации у таких акторов является интервью (например, работа [Ziegler et al., 2018], рассматривающая восприятие языкового ландшафта людьми, и работа [Malinowski, 2008], посвящённая концепции авторства языкового ландшафта). Всего для настоящего исследования удалось записать, расшифровать и проанализировать 14 записей на русском и/или бурятском языках, 9 из которых содержали

ответы респондентов по опроснику для обычных горожан, а 5 – по опроснику для владельцев бизнеса. Опросник для горожан содержал вопросы об изменениях в видимости языков в течение последних лет, а также об их используемости в публичной городской среде. Опросник для представителей бизнеса был нацелен на раскрытие вопросов о названии заведения, а также о языках обслуживания (более подробно см. Приложения). Двое респондентов было опрошено сразу по обоим опросникам.

Информантами для исследования выступили 8 женщин и 4 мужчин в возрасте от 21 до 70 лет, подобранных методом «снежного кома» и проживающих в Улан-Удэ от 10 до 35 лет. Все они являются бурятами с разным уровнем владения бурятским языком: среди горожан одна респондентка (Наталья) не владеет языком, четверо (Нарана, Аюр, Баир и Анастасия) имеют средний уровень владения, а остальные четверо (Арсалан, Любовь, Цырен, Долгор) имеют продвинутый уровень. Среди владельцев бизнеса не владеет языком одна респондентка (Раиса), одна (Римма) имеет средний уровень владения, трое (Арсалан, Долгор, Базар-Ханда) имеют продвинутый уровень.

Бурятский и русский языки в Бурятии

Прежде чем перейти к анализу проведенных интервью, следует дать краткий обзор становления бурятско-русского двуязычия в Бурятии, а также обрисовать языковую ситуацию, характерную для региона в настоящее время. Как отмечает в своей монографии Г. А. Дырхеева, «для дореволюционной Бурятии в целом было характерно моноязычие» [Дырхеева, 2002: 6], при котором большая часть бурятского населения владела только бурятским языком. Последовательное формирование бурятско-русского двуязычия среди бурят началось с 20-х годов XX столетия, что было обусловлено, помимо прочих факторов, внедрением системы образования, в которой русский язык с течением времени играл всё более значимую роль. Вместе с этим, использование бурятского языка уменьшалось не только в образовательной системе, но и в других сферах. Результатом этих процессов стало резкое сокращение к 80-м годам числа носителей, владеющих бурятским языком и активно использующих его [Дырхеева, 2002: 31].

Первые предпосылки к изменению языковой ситуации, сложившейся начиная с 1930-х годов советской власти, были созданы в 90-х годах, а именно в 1992 году, когда был принят закон «О языках народов Республики Бурятия», согласно которому бурятский язык получил статус государственного на территории Бурятии наравне с русским. Это дало возможность возобновить использование бурятского языка во многих сферах, в том числе в образовании, делопроизводстве в государственных органах власти, судопроизводстве и т. д. В настоящее

время, несмотря на позитивные законодательные изменения 90-х годов, наблюдается дальнейшее сокращение числа носителей бурятского языка, а также его малая востребованность в сфере обслуживания, торговле, науке, государственном управлении, делопроизводстве [Дырхеева, 2014: 102], что говорит о его относительно низком статусе в сравнении с русским языком. Более того, в сложившейся ситуации на витальность бурятского языка не самым положительным образом влияют и более поздние изменения, внесённые в закон «Об образовании в Республике Бурятия» в прошлом десятилетии, в соответствии с которыми изучение бурятского языка в Республике стало добровольным [Цыренов, 2014: 198]. В свете описанных процессов языкового сдвига становится особенно актуальным обращение к «низовым» акторам – горожанам – и представителям бизнеса, с целью понять их отношение к русскому и бурятскому языкам в публичной городской среде. Этому посвящены три следующие части.

Русский язык: мнение горожан

Степень присутствия русского языка в языковом ландшафте г. Улан-Удэ достаточно продемонстрировать одной цитатой из интервью: *«русский язык есть везде»* (Наталья, 23 года). Однако наиболее полно присутствие русского языка раскрывается в оценках других респондентов: *«[я замечаю] в основном русский язык»* (Нарана, 23 года); *«русский [язык] чаще всего виднеется»* (Аюр, 21 год); *«преобладает русский [язык]»* (Цырен, 43 года). Эти оценки подразумевают под собой присутствие в городской среде других языков, на фоне которых русский является не только распространённым, но и доминирующим: *«русский язык всегда был, доминировал»* (Арсалан, 27 лет).

Такой характер распространения русского языка может объясняться его статусом: *«это наш государственный язык»* (Наталья, 23 года), а также восприятием его функциональной мощности во всех сферах жизни: *«без русского не обойдёшься»* (Любовь, 70 лет). Функционирование этих факторов тесно связано с широкой распространённостью русскоязычных практик в публичной городской среде, которые, в свою очередь, отражаются и в языковом ландшафте. Как отмечают Я. Бломмерт и И. Мали, *«присутствие и распределение языков может быть связано <...> с закономерностями социального взаимодействия, в которое вовлечены люди в определённом пространстве»* [Blommaert et al., 2014: 3]. Наиболее наглядно русскоязычность социального взаимодействия в Улан-Удэ видна из свидетельств респондентов об опыте адаптации иностранцев, не владеющих русским языком:

«В первое время им [студентам из Китая] было очень сложно, так как они не знали

русский» (Нарана, 23 года).

Такая ситуация, как отмечает респондентка, вызывала необходимость приставлять к ним *«русскоязычных друзей, преподавателей»*. Эта же проблема актуальна для граждан не только Китая, но и соседней Монголии, что косвенно следует из слов Натальи (23 года):

«В школе у нас была монголка, и она не знала русский язык совсем. Она знала английский, монгольский. Но благодаря тому, что у нас была классная руководительница [учителем] английского языка, она адаптировалась, тем более, если человек живёт в обществе, где говорят на языке, который ты учишь, язык очень хорошо запоминается, усваивается».

В данном отрывке в качестве препятствия к коммуникации выделяется невладение именно русским языком, которое компенсируется не использованием монгольского языка (что можно было бы представить при распространённости родственного бурятского языка), а использованием английского языка в общении с людьми, владеющими и им, и русским языком. Это ещё раз подтверждает важную роль последнего в повседневных языковых практиках жителей Улан-Удэ.

Таким образом, можно заключить, что все опрошенные горожане воспринимают русский язык как неотъемлемую часть и языкового ландшафта, и повседневных публичных языковых практик в Улан-Удэ. Отталкиваясь от такого положения русского языка, следует понять, как на его фоне воспринимается другой государственный язык Республики – бурятский. Рассмотрению этого вопроса посвящена следующая часть.

Бурятский язык: мнение горожан

Если мнения информантов в отношении русского языка подтвердили стабильность его положения и важность в городском пространстве Улан-Удэ, то оценки бурятского языка, наоборот, показали динамику как в его визуальной представленности, так и в использовании в публичных практиках в г. Улан-Удэ. Наиболее ярко это выражено в словах одной из самых старших респонденток:

«Вот бурятского было намного меньше. <...> Только в последние годы такая тенденция появилась, что даже названия какие-то на бурятском языке» (Любовь, 70 лет).

В первую очередь, видимость (визуальность) бурятского языка повысилась в официальной сфере, в частности, *«на вывесках государственных учреждений»* (Арсалан, 27 лет), чему способствовали определённые шаги по реализации языковой политики Республики.

К ним, в частности, можно отнести *«выдвижение определённого количества терминов, которые должны использоваться в делопроизводстве»* (Баир, 22 года), что послужило поводом для замены вывесок государственных учреждений с целью привести их в соответствие с новым терминологическим аппаратом бурятского языка. Тем не менее, как отмечают информанты, этот процесс продолжается до сих пор:

«Вот, на поликлинике №1 <...> чувствуется по эстетике, что надпись была в конце 80-х сделана и там бурятский чисто символически, даже там не все надписи на русском переведены» (Арсалан, 27 лет).

Присутствие бурятского языка повысилось и в сфере частного бизнеса. Как отмечает Любовь (70 лет), в последние годы индивидуальные предприниматели *«как-то стараются по-бурятски какие-то названия писать»*. Похожая тенденция начинает распространяться не только на уличные вывески заведений, но и на элементы внутреннего дизайна:

«В крупных торговых центрах владельцы начали писать названия товаров, отделов на бурятском языке» (Цырен, 43 года).

Не последнюю роль в распространении бурятского языка в этой сфере сыграла отмена визового режима с Монголией в 2014 году, благодаря чему значительно увеличился приток туристов из соседнего государства в Бурятию. Монгольские туристы, в свою очередь, создали спрос на определённые категории товаров, что вызвало необходимость поддержать его введением навигации, более удобной для носителей монгольского:

«Когда открыли границу с Монголией, <...> в магазинах, особенно приграничных, появились названия овощей, вообще всех товаров на монгольском языке. <...> А потом уже на бурятском» (Дулма, 55 лет).

Интересным в этом случае представляется переход от монголоязычной навигации к бурятоязычной. На наш взгляд, этому способствовало осознание близости бурятского и монгольского языков, благодаря чему владельцы торговых точек решили поддержать бурятский язык через его «коммодификацию» (термин [Heller, 2010]): бурятский, с одной стороны, остаётся понятным для носителей монгольского языка и облегчает им ориентацию в магазинах, а с другой – маркирует принадлежность пространства Республике и вносит дополнительный вклад в престиж языка, имеющего на её территории статус государственного.

Кроме того, респонденты отмечают прецедентные случаи появления бурятского языка на уличных объявлениях, которые традиционно рассматриваются как единицы языкового ландшафта [Thurlow et al., 2010], а также на перемещаемых носителях, статус которых в

качестве таковых принимается не всеми учёными – например, на одежде [Reh, 2004: 3]:

«Я внезапно увидел надпись на бурятском языке, и это был призыв научиться печатать на компьютере бурятским языком» (Арсалан, 27 лет).

«Видела несколько раз на людях, они носят футболки, там бурятские надписи есть» (Наталья, 23 года).

Несмотря на то, что такие случаи не имеют массового характера, их появление свидетельствует о попытках использования бурятского языка в сфере технологий и моды, что можно считать проявлением активизма в отношении бурятского языка среди отдельных горожан. Можно предположить, что большее распространение такой деятельности может ускорить и укоренить намечающиеся позитивные тенденции относительно использования бурятского языка.

Таким образом, проанализировав оценки респондентов, можно сделать вывод о повышении визуального присутствия бурятского языка в Улан-Удэ за последние годы. Предпосылки для этого создаются в основном республиканскими властями, туристическим потоком из Монголии, реже отдельными горожанами, что вкуче способствует большему появлению и укреплению бурятского языка не только в тех контекстах, где он уже был представлен, но и в новых, в которых его присутствие ранее не отмечалось.

Далее, переходя от общего восприятия горожанами бурятского языка в публичной среде г. Улан-Удэ, необходимо отметить мнения, показывающие личные предпочтения по видимости (визуальности) бурятского языка в публичной сфере. Один из таких мотивов в пользу повышения присутствия бурятского языка связан с его статусом государственного языка, что даёт ему право на равную представленность с русским языком:

*«[Хочется], чтобы у нас было больше национальной составляющей и не только потому, что эта национальная составляющая как что-то туристическое, а именно как **равноправное, полностью официальное**, то есть с теми же атрибутами, что русский язык обладает»* (Арсалан, 27 лет).

Другой мотив, схожий с вышеприведённым в отношении увеличения «национальной составляющей», рассматривает повышение присутствия бурятского языка как способ отличить город Улан-Удэ от других городов через маркирование «бурятскости» его публичного пространства:

*«Это [увеличение присутствия бурятского языка] обций ландшафт создаёт, то есть всё-таки **как-никак не Москва**, что называется, какой-то интерьер создали бы»* (Баир, 22 года).

Ещё один мотив рассматривает повышение представленности бурятского языка как способ обратить внимание на его проблемы в связи со снижением демографической мощности:

«Бурятский язык становится менее употребляемым, и хотелось бы, чтобы было больше акцента на родной язык сделано» (Нарана, 23 года).

Все рассмотренные выше мотивы респондентов в пользу повышения присутствия бурятского языка говорят о том, что доля бурятского языка в публичной среде по-прежнему воспринимается незначительной и недостаточной, даже несмотря на изменения прошлых лет, отмечаемые самими респондентами. Бурятский язык продолжает нуждаться в поддержке властей, о чём говорят апелляции к его статусу, а также и самого сообщества, которое использует этот язык.

Интересно отметить, что, кроме положительных мотивов в оценках повышения присутствия бурятского языка, встретилась лишь одна нейтральная оценка (*«меня всё устраивает»*) (Наталья, 23 года), и ни одной негативной. Такой эффект могла оказать самоидентификация информантов (все они считают себя бурятами) и определённые стереотипы поведения, связанные с ней, а также осознание потенциальной конфликтности языкового вопроса в межнациональной среде: *«Ну, на такие провокационные вопросы я не отвечаю»* (Цырен, 43 года).

Переходя от рассмотрения мнений о визуальной представленности бурятского языка к мнениям о языковых практиках с его использованием, не лишним будет указать, что, в отличие от знаков и вывесок, «языковые практики очень трудно поддаются или практически не поддаются быстрым изменениям» [Pavlenko, 2012: 47]. В данном вопросе важно рассмотреть проанализировать, что сами горожане говорят о своих собственных языковых практиках и о наблюдаемых ими практиках других людей в городской среде: в частности, при каких условиях они могут инициировать общение на бурятском языке. Естественно будет предположить, что наиболее полные возможности начать такую коммуникацию имеют те респонденты, которые владеют бурятским языком на продвинутом уровне. Отталкиваясь от этого, можно рассматривать разные варианты, с кем и где они могут вступать в такое взаимодействие. В ответе на первый вопрос на первый план может выходить этническая принадлежность адресата:

«Если мой визави бурят по национальности, я обращаюсь на бурятском языке» (Дулма, 55 лет).

Такая оценка респондентки имеет под собой реальную основу: в Республике количество бурят, владеющих бурятским языком, составило 122882 человека, в то время как

бурятоязычных русских – 2608. Однако этот фактор охватывает и большую долю бурят, которые не владеют бурятским языком:

«Так как я азиатской наружности, со мной могут начать на бурятском разговаривать, но я на нём не разговариваю [не владею им]» (Наталья, 23 года).

Именно по этой причине для начала коммуникации на бурятском языке на фактор этнической принадлежности может накладываться и фактор возраста:

«Но в основном, конечно, я к пожилым более или менее [обращаюсь на бурятском]. К молодежи-то я не сильно, потому что они сейчас, честно говоря, обрусели» (Анастасия, 58 лет).

Такая позиция основывается на ожидании того, что для старшего поколения коммуникация на бурятском языке может быть более предпочтительной и удобной в силу лучшего владения языком.

Третья возможность начать общение на бурятском языке может заключаться в факторе доверия, при котором коммуникация предпочтительна в кругу знакомых лиц:

«С земляками со всеми разговариваю на бурятском языке, в науке у нас тут принято на бурятском языке общаться обсуждать с коллегами» (Любовь, 70 лет).

Все эти факторы указывают на осознание респондентами языкового сдвига, в процессе которого уровень владения языком варьируется среди носителей. В таких условиях человеку легче поддерживать общение на языке с тем, кто, во-первых, владеет им примерно на том же уровне, а во-вторых, пользуется доверием собеседника. Именно по этой причине обращение на бурятском языке в публичной среде по своей инициативе оказывается затруднительным:

«Обычно, когда со мной продавщица начала на бурятском говорить, я как бы отвечаю, а так обычно я не говорю сам с людьми по-бурятски» (Баир, 22 года).

Переходя к рассмотрению второго вопроса, где может иметь место коммуникация на бурятском языке, на первый план для респондентов выходит именно общение в заведениях питания:

«Заведения буузные, где официантки разговаривают на бурятском языке и где персонал владеет бурятским языком, вот с ними да, <...> абсолютно без никаких затруднений разговариваю на бурятском языке и делаю заказ на бурятском языке» (Арсалан, 27 лет)

«Ну и в ресторанах с бурятской кухней преимущественно бурятское общение» (Цырен, 43 года).

Важно подчеркнуть, что к этой группе респонденты относят именно заведения с национальной бурятской кухней. Такая конкретизация говорит об их высоких ожиданиях на успешную коммуникацию с использованием бурятского языка в первую очередь именно в этом типе заведений. Гораздо реже встречаются случаи, когда общение на бурятском происходит в других местах:

«Когда я захожу в магазин, любое общественное место по необходимости, где есть сфера услуги, допустим, даже государственные учреждения, я здороваюсь на русском, на бурятском» (Дулма, 55 лет);

«В магазине можно поговорить, независимо от того, какой товар там предлагается, национальный не национальный, международные бренды, ну, бывает, что на бурятском разговариваем» (Цырен, 43 года).

Тем не менее, факт того, что респонденты общаются на бурятском языке и в этих местах, позволяет говорить об их попытках выйти за пределы сугубо этнических контекстов и использовать бурятский язык как полноценное средство коммуникации в городской среде. В таких действиях проявляется активизм респондентов, который может столкнуться с разными типами реакций:

«Когда они [сотрудники заведений] понимают, что перед ним клиент, который говорит на бурятском, они радуются. Улыбка появляется, приветливая улыбка, начинается такое уже более непринуждённое общение» (Цырен, 43 года);

«Бывает даже, меня приятно удивляют молодые барышни, молодые люди, которые вполне адекватно реагируют» (Дулма, 55 лет).

Описываемые положительные реакции подтверждают, что использование бурятского языка в публичных контекстах в настоящее время является не нейтральным, а маркированным как для самих респондентов, так и для их собеседников. На наш взгляд, именно частота таких прецедентов может способствовать большему распространению бурятоязычных практик в публичном пространстве. Кроме того, косвенное положительное влияние на этот процесс может оказывать и адекватная реакция тех, кто по тем или иным причинам не может или не хочет поддерживать коммуникацию на бурятском языке:

«Если человек не понимает, он сразу говорит, что не понимает, и мы переходим на русский» (Цырен, 43 года);

«Она [собеседница] говорит: “Вы знаете, я не говорю на бурятском”. И мы перешли на

русский язык» (Дулма, 55 лет).

Положительный опыт при взаимодействии с любым из описанных исходов может позволить, с одной стороны, более свободно и нейтрально начинать коммуникацию на бурятском языке, а с другой стороны, таким же образом переключиться на другой язык при невозможности общения на бурятском.

Обобщая всё рассмотренное в этой части, можно заключить, что респонденты отмечают положительные изменения в видимости (визуальности) бурятского языка, которые произошли в течение последних лет. Это во многом стало возможным благодаря действиям республиканских властей в области языковой политики, появлению нового монголоязычного сегмента потребителей и активистов из числа горожан. Несмотря на это, присутствие бурятского языка в визуальной публичной среде всё же воспринимается респондентами недостаточным для того, чтобы говорить о его равной представленности с русским. Такими же малораспространёнными считаются и языковые практики с использованием бурятского языка, которые в настоящее время наиболее часто отмечаются в заведениях с этнической направленностью и гораздо реже в других. Тем не менее, случаи положительного и адекватного отношения обеих сторон к коммуникации на бурятском языке, отмечаемые респондентами, уже сейчас дают основу для будущего укрепления и распространения бурятоязычных практик в условиях города Улан-Удэ.

Бурятский язык: мнение владельцев бизнеса

Большой вклад в разнообразие языкового ландшафта любого города вносят многочисленные частные заведения. Это обусловлено тем, что их владельцы «пользуются относительной свободой действий в рамках закона» [Ben-Rafael et al., 2006: 10], в частности, имеют право утверждать свою языковую политику в заведении. В первую очередь, такая свобода проявляется в выборе названия, поскольку оно выбирается акторами «в соответствии с индивидуальными стратегиями» [Cenoz et al., 2006: 10]. Такие стратегии должны включать в себя не только индивидуальные идеологии владельца, но и ориентацию на потенциальных клиентов: послы, которые закладывает в названии актер, должны считываться ими и помогать в восприятии заведения [Taylor, 2012: 186]. В связи с этим важно понять те внешние факторы, на которые ориентировались владельцы бизнеса при выборе названия. Информантами для данной части исследования стали представители заведений, имеющих названия на бурятском языке: мастерская по пошиву бурятской одежды «Алтан аргал» (*бур.* 'Золотой кизяк'), мастерская бурят-монгольской каллиграфии «Үлзы» (*бур.* 'Счастье'), студия

керамики «Домбо» (бур. 'Кувшин'), центр реабилитации детей-инвалидов «Одхон / Отхончик» (бур. 'Младший ребёнок в семье') и кафе «Бууза Room».

Как уже было сказано, выбор названия обуславливается ориентацией на определённую категорию клиентов:

«Олонхиниинь бурядаар мэдэхэ ерэдэг. Бараг лэ, хуу буряад хүнүүд ерэдэг лэ дээ, бүхыдээ» / «Большинство из тех, кто приходит, знает бурятский. Нормально, в основном все, кто приходят – это буряты» (Базар-Ханда, ателье «Алтан аргал»).

Из этого ответа респондентки следует, что основная часть клиентов ателье бурятоязычна. При этом ориентация идёт не только на этническую принадлежность, но и на владение бурятским языком. Именно последнее условие позволило Базар-Ханде не просто выбрать название на бурятском языке, а взять в качестве названия определённый символ из традиционной бурятской культуры:

«Алтан аргалини теед лэ 'шабааһан', 'хатааһан' лэ. Урдань гал гуламта, ёһо заншалаа мартангүй ябажа нэгэ талаар гэгэн удхатай» / «Таким образом, 'Алтан аргал' – это кизяк, сухой помёт. В старину это словосочетание имело посыл 'не забывать свой очаг, обычаи и традиции'».

Вышеописанный случай представляется наиболее свободным в выборе названия, однако ориентация при этом идёт на узкий сегмент клиентов. Иная ситуация наблюдается при желании владельца выйти за пределы бурятского сообщества и предложить свою продукцию более широкому кругу покупателей. Здесь особенно значимыми становятся факторы «звучности» и «запоминаемости» названия. Администратор студии керамики «Домбо» Раиса отмечает:

*«Выбор был между какими-то названиями посуды на бурятском языке. То есть "Аяга" ('пиала'), "Тэбшэ" ('деревянное корыто'), такие какие-то вещи, ну и самое **звучное** нам показалось, **запоминающееся**, всё-таки "Домбо". Домбо – это бурятский национальный кувшин».*

Другим фактором, который становится в один ряд с вышеприведёнными, является «знакомость» названия:

*«Слово 'үлзы' **достаточно знакомо** современным бурятам. Я видел даже пару буузных с таким названием "Үлзы" у нас в городе Улан-Удэ» (Арсалан, мастерская каллиграфии «Үлзы»).*

Владелец мастерской, отталкиваясь от этого фактора, приводит и другие причины

выбора названия, в которых прослеживаются его собственные предпочтения:

«Вообще, ‘улзы’ означает ‘счастье, удача’. Почему я выбрал это название – потому что слово ‘улзы’ встречается во всех памятниках монгольской письменности, от уйгуро-монгольской письменности, заканчивая письменностью “соёмбо”, квадратной письменностью Занабазара, ну и современной кириллицей, латиницей бурятской, монгольской, калмыцкой и даже тувинской» (Арсалан, мастерская каллиграфии «Улзы»).

Другим фактором при выборе названия на бурятском языке может служить «понятность». Ему, в частности, удовлетворяют бурятские заимствования, встречающиеся в русской речи местных жителей:

*«Почему я назвала “Отхончик” – республика у нас многоликая, многонациональная, и слово ‘отхончик’ знают все: и русские, и буряты. И русские называют детей “наш отхончик”, и бурядауд өөбэйлжэ, эрхэлүүлжэ, ‘одхон’ гэдэг ухибүүдые (и буряты, когда ласкают своих детей, называют их ‘одхон’). В общем, всем **понятное** слово» (Дулма, реабилитационный центр «Одхон / Отхончик»).*

К факторам, влияющим на выбор названия заведения относится и использование престижных иностранных языков наряду с бурятским. Так, владелица кафе «Бууза Room» отмечает, что сочетание названия бурятского блюда бууза и английского слова *room* ‘комната, помещение, место’ нужно для того, *«чтобы [название заведения] легко запоминалось, чтобы люди понимали, что здесь есть буузы – бурятское национальное блюдо»* (Римма, кафе «Бууза Room»).

Таким образом, можно сделать заключение, что владельцы при выборе названия своего заведения, прежде всего, исходят из ориентации на определённый сегмент потребителей. Как показывает практика, наибольшая свобода в выборе названия на бурятском языке прослеживается там, где основными клиентами являются бурятоязычные буряты. Однако чем шире сегмент, тем большую значимость приобретают факторы «запоминаемости», «звучности», «знакомости» и «понятности», в соответствии с которыми и выбирается название. И если первые два фактора кажутся универсальными для названий на любом языке, то факторы «знакомости» и «понятности» говорят о низких ожиданиях владельцев заведений относительно восприятия бурятского языка клиентами. Это позволяет говорить о том, что публичное использование бурятского языка в языковом ландшафте и языковых практиках воспринимается как феномен, до настоящего времени практически не имевший места в публичном пространстве города Улан-Удэ.

Заключение

Обобщая рассмотренные в статье оценки горожан и владельцев бизнеса о присутствии и функционировании бурятского и русского языков в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ, можно прийти к следующим выводам. В плане визуальной представленности в публичном пространстве положение русского языка остаётся таким же стабильным, каким оно было в предыдущие десятилетия. На фоне этого происходит повышение видимости бурятского языка, который начинает распространяться не только в старых, но и в новых контекстах под влиянием государственной политики и общественных процессов, а также единичных активистов. Несмотря на это, по оценкам горожан, визуальное присутствие бурятского языка нуждается в дальнейшем повышении, о чём говорит апелляция к правовому статусу и демографической ситуации бурятского языка.

Малое присутствие бурятского языка в языковом ландшафте наглядно согласуется с его малым использованием в языковых практиках, наблюдаемых в публичной среде. В основном он воспринимается языком старшего поколения бурятского сообщества, а также языком близкого круга людей, лишь в редких случаях употребляясь за пределами этих групп, например, в сфере общественного питания с национальной кухней и в сфере торговли.

Отражение этой ситуации прослеживается и при формировании языкового ландшафта владельцами бизнеса. На это указывает стратегия выбора названия на бурятском языке, которая с расширением потенциального сегмента клиентов всё больше опирается на факторы «запоминаемости», «звучности», «знакомости» и «понятности». Последние два фактора в особенности указывают на нежелательность использования в названии сложных единиц, которые могут не восприниматься даже носителями языка. Такая особенность также свидетельствует о малой распространённости языковых практик на бурятском языке в городе Улан-Удэ.

Таким образом, в наблюдаемой ситуации рано говорить о каких-либо глобальных изменениях как в представленности бурятского языка в языковом ландшафте, так и в его использовании в языковых практиках в городе Улан-Удэ. Тем не менее, прецеденты активизма в действиях некоторых горожан показывают их желание вывести бурятский язык за пределы сложившихся практик и контекстов, что при должном распространении и поддержке государства и языкового сообщества должно дать положительный сдвиг в сторону двуязычия в публичной среде города Улан-Удэ, основанного на использовании двух государственных языков Республики Бурятия.

Литература

- Дырхеева Г.А. (2002) Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 188 с.
- Дырхеева Г.А. (2014) Языковые приоритеты Республики Бурятия: система образования. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция (Москва, 16-19 сентября 2014): Доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н.Биткеева, В.Ю. Михальченко; М.: Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. С. 101–107.
- Хилханова Э.В. (2020) Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы). *Acta Linguistica Petropolitana*. Том XVI. Ч. 3. С. 758-817. DOI 10.30842/
- Цыренов Б.Д. (2014) Языковое законодательство в Республике Бурятия: шаги в разные стороны. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н.Биткеева, В.Ю. Михальченко; М.: Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. С. 194–199.
- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M., Truper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. *International journal of multilingualism*, Volume 3, Issue 1, pp. 7-30. DOI: 10.1080/14790710608668383
- Blommaert, J., Maly, I. (2014) Ethnographic linguistic landscape analysis and social change: A case study. *Tilburg papers in culture studies*, Paper 100. Pp. 1–27.
- Cenoz, J., Gorter, D. (2006) Linguistic landscape and minority languages. *International Journal of Multilingualism*, Volume 3, Issue 1, pp. 67-80. DOI: 10.1080/14790710608668386
- Heller, M. (2010) The commodification of language. *Annual review of Anthropology*, Volume 39, pp. 101-114. DOI: 10.1146/annurev.anthro.012809.104951
- Landry, R., Bourhis, R. (1997) Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, Volume 16. Pp. 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002
- Malinowski, D. (2009) Authorship in the Linguistic Landscape: A Multimodal-Performative View. *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London/New-York, Routledge. Pp. 107–125.
- Pavlenko, A. (2012) Transgression as the norm: Russian in linguistic landscape of Kyiv, Ukraine. *Minority languages in the linguistic landscape*. London, Palgrave Macmillan. Pp. 36–56.
- Reh, M. (2004) Multilingual writing: A reader-oriented typology — with examples from Lira Municipality (Uganda). *International Journal of the Sociology of Language*, Issue 170. Pp. 1–41. DOI: 10.1515/ijsl.2004.2004.170.1
- Taylor, C.R., Sarkees, M.E., Bang, H.K. (2012) Understanding the Value of On-Premise Signs as Marketing Devices for Legal and Public Policy Purposes. *Journal of Public Policy & Marketing*, Volume 31, Issue 2. Pp. 185–194. DOI: 10.2307/41714267
- Thurlow, C., Jaworski, A. (2010) Silence is golden. The ‘anti-communicational’ linguascaping of super-elite mobility. *Semiotic landscapes: Language, image, space*. Ed. by C. Thurlow, A. Javorsky. Pp. 187–218.
- Ziegler, E., Schmitz, U., Uslucan, H. H. (2019) Attitudes toward visual multilingualism in the linguistic landscape of the Ruhr Area. *Expanding the linguistic landscape: Linguistic diversity, multimodality and the use of space as a semiotic resource*. Bristol, Multilingual Matters. Pp. 264–299.

References

- Dyrkheeva, G.A. (2002) *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya* [Buryat language in conditions of bilingualism: problems of functioning and development prospects]. Ulan-Ude, publishing house of The Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 188 p. (In Russ.).

- Dyrkheeva, G.A. (2014) Yazykovyye priorityety Respubliki Buryatiya: sistema obrazovaniya [Language priorities of the Republic of Buryatia: education system]. Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 16-19 sentyabrya 2014). Ed. by Aisa N. Bitkeeva, Vida Yu. Mikhailchenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Research Center for National Linguistic Relations. Pp. 101–107. (In Russ.).
- Khilkhanova, E.V. (2020) Lyudi v yazykovoy politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoy Yevropy) [People in language politics: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (on the example of Russia and Western Europe)]. Acta Linguistica Petropolitana. Volume 16. Issue 3. Pp. 758-817. DOI 10.30842/
- Tsyrenov, B.D. (2014) Yazykovoye zakonodatel'stvo v Respublike Buryatiya: shagi v raznyye storony [Language legislation in the Republic of Buryatia: steps in different directions]. Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 16-19 sentyabrya 2014). Ed. by Aisa N. Bitkeeva, Vida Yu. Mikhailchenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Research Center for National Linguistic Relations. Pp. 194–199. (In Russ.).
- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M., Truper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. International journal of multilingualism, Volume 3, Issue 1, pp. 7-30. DOI: 10.1080/14790710608668383
- Blommaert, J., Maly, I. (2014) Ethnographic linguistic landscape analysis and social change: A case study. Tilburg papers in culture studies, Paper 100. Pp. 1–27.
- Cenoz, J., Gorter, D. (2006) Linguistic landscape and minority languages. International Journal of Multilingualism, Volume 3, Issue 1, pp. 67-80. DOI: 10.1080/14790710608668386
- Heller, M. (2010) The commodification of language. Annual review of Anthropology, Volume 39, pp. 101-114. DOI: 10.1146/annurev.anthro.012809.104951
- Landry, R., Bourhis, R. (1997) Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: an empirical study. Journal of Language and Social Psychology, Volume 16. Pp. 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002
- Malinowski, D. (2009) Authorship in the Linguistic Landscape: A Multimodal-Performative View. Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. London/New-York, Routledge. Pp. 107–125.
- Pavlenko, A. (2012) Transgression as the norm: Russian in linguistic landscape of Kyiv, Ukraine. Minority languages in the linguistic landscape. London, Palgrave Macmillan. Pp. 36–56.
- Reh, M. (2004) Multilingual writing: A reader-oriented typology – with examples from Lira Municipality (Uganda). International Journal of the Sociology of Language, Issue 170. Pp. 1–41. DOI: 10.1515/ijsl.2004.2004.170.1
- Taylor, C.R., Sarkees, M.E., Bang, H.K. (2012) Understanding the Value of On-Premise Signs as Marketing Devices for Legal and Public Policy Purposes. Journal of Public Policy & Marketing, Volume 31, Issue 2. Pp. 185–194. DOI: 10.2307/41714267
- Thurlow, C., Jaworski, A. (2010) Silence is golden. The ‘anti-communicational’ linguascaping of super-elite mobility. Semiotic landscapes: Language, image, space. Ed. by C. Thurlow, A. Javorsky. Pp. 187–218.
- Ziegler, E., Schmitz, U., Uslucan, H.H. (2019) Attitudes toward visual multilingualism in the linguistic landscape of the Ruhr Area. Expanding the linguistic landscape: Linguistic diversity, multimodality and the use of space as a semiotic resource. Bristol, Multilingual Matters. Pp. 264–299.

Иванов Вячеслав Валерьевич – аспирант Института языкознания РАН
Адрес: Большой Кисловский пер., 1/1, 125009, г. Москва, Российская Федерация
Эл. адрес: @vvivanov96@gmail.com

Для цитирования: Иванов В.В. Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2021, No 1(5). С. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163

For citation: Ivanov V.V. The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude. Sociolinguistics, 2021, no. 1(5) [online], pp. 147–163. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163